

ЦИКЛ «СМЕРТЕЛЬНОГО РИТУАЛА ЕЩЁ НАДО ДОБИТЬСЯ»

ШАНСЫ НА СМЕРТЬ 1 К 1000

DARK RAVEN

Raven Dark

**Шансы на смерть 1 к
1000. Смертельного
ритуала еще надо добиться**

«Автор»

2026

Dark R.

Шансы на смерть 1 к 1000. Смертельного ритуала еще надо добиться / R. Dark — «Автор», 2026

Умереть на Ритуале — большая честь. Семья получает двадцать лет привилегий, Республика — ещё одного героя, а погибший уже не сможет рассказать, что произошло на самом деле. После гибели девятнадцатилетней Мейсы на третьем этапе Ритуала её младшая сестра Кайла отказывается поверить в официальную версию. Она — подпольная журналистка, чьи статьи не решается печатать ни одно издание. Поэтому Кайла полулегально проникает в закрытую Академию, намереваясь собрать доказательства изнутри. План кажется простым: найти правду, опубликовать её и не погибнуть. Правда, сначала Кайла поступает не на тот факультет, затем неожиданно оказывается под началом Дэмеда Корвуда — опасного, высокомерного декана. Чтобы выяснить, кто подставил её сестру, Кайле придётся самой войти в Ритуал. Один победитель. Тысяча способов умереть.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Raven Dark

Шансы на смерть 1 к 1000. Смертельного ритуала еще надо добиться

Пролог

В таверне «У кривого фонаря» было душно и шумно. Пахло кислым пивом, жареным луком и мокрой шерстью. Посетители в основном молчали, уткнувшись в кружки. Разговоры здесь не поощрялись: у стен были уши, а у ушей — серебряные монеты. Но сегодня даже молчание казалось громким.

Потому что сегодня начинался Ритуал Академии Дер-Сон — главного учебного заведения, что славилось своими выдающимися Магами.

Маг-транслятор, здоровенный мужик с слабым даром и обветренным лицом, сидел в углу, склонившись над хрустальным шаром пытаясь сделать проекцию происходящего на самую темную стену таверны. Шар был мутный, в трещинах, но работал. В нем плавали обрывки изображений: то каменный зал, залитый свечным светом, то лица зрителей, то чьи-то руки, сжимающие бокалы. Трансляция была записана из под полы кем-то из работников Академии, нелегальной. Низшим запрещалось смотреть Ритуал. Но владельцу таверны было плевать: он брал по медяку с носа, и желающих хватало.

— Начинается, — прошептал кто-то.

Толпа придвинулась ближе. На стене мелькнул Алый Зал, и по таверне прошел вздох. Низшие не видели такой роскоши никогда. Золото, хрусталь, шелк. Люди в ложах, похожие на богов. И в центре — серые фигуры. Участники.

Их было тридцать шесть. Они шли по кругу, и лица их были закрыты полупрозрачной тканью черного цвета, как будто это были не участники смертельного ритуала, а танцоры с Восточной земли. Трансляция прыгала, рябила, но можно было разглядеть главное: они боялись.

— Ишь, какие, — хмыкнул кузнец, сидевший у стойки. — Детишки.

— Это детишки с магией, — отозвался маг, не отрываясь от шара. — Они тебя одной рукой в пыль стереть могут.

— Ага, если доживут, — буркнул кто-то из темноты.

В шаре снова мелькнули лица. Рыжая девушка с собранными в косу волосами. Она шла первой. Глаза у нее были темно-зеленые, как бутылочное стекло, и смотрели прямо перед собой. Не на зрителей. В пустоту.

— Пьют, — прошептал маг.

Участники по очереди брали чашу. Пили. Некоторые кашляли. Один упал на колени и его стошнило прямо на каменный пол. Толпа в таверне зашептала. Кто-то засмеялся, нервно, высоко.

— Первый раз что ли? — смех был похрюкивающим и его подхватило еще пару людей.

— Заткнитесь, — рявкнул кузнец.

В шаре все замерло. Главный мужчина в особенной мантии с украшениями похожими на странные знаки поднял руки. Потом — вспышка. И темнота. Трансляция оборвалась на несколько секунд. Когда изображение вернулось, на месте Алого Зала уже был Лес.

Лес был страшный. Деревья кривые, как скрюченные пальцы с мхом на ветвях и на стволах. Некоторые листья багряные, будто обмакнутые в краску. И тишина. Такая тишина, от которой звенит в ушах.

Участники стояли на поляне, озираясь. Кто-то вставал в стойку. Кто-то держался паниковал. Рыжая девушка стояла неподвижно, закрыв глаза. Она что-то шептала.

— Что она делает? — спросил кто-то.

— Охотница, — ответил маг. — Дар предвидения. Видит, что будет через несколько секунд.

— И долго такие как она держатся?

Маг не ответил.

Из-за деревьев вышли твари. Они двигались бесшумно, как дым. Первая — олень с тремя головами, из рогов сочилась черная слизь. Вторая — что-то похожее на волка, но слишком длинное, без шерсти, с человеческими руками вместо лап. Третья вообще не имела формы: просто сгусток тьмы, из которого торчали кости.

В таверне кто-то вскрикнул, кто-то отвернулся, но большинство смотрели. Не могли оторваться.

Участники бросились врассыпную — один упал и его подхватив за лодыжку потащили ближе к деревьям. Олень настиг его через секунду. Три головы одновременно вцепились в ногу. Кричал он долго.

Маг выругался и отвел взгляд. Но шар продолжал показывать.

— Это ж дети, — прошептал кузнец. Голос у него дрожал. — Им бы учиться, а они...

— А они и учатся, — отозвался из темноты хриплый голос. — Учатся выживать. Или не выживать.

Через час все было кончено. Из тридцати шести в живых остались двадцать восемь. Остальные лежали в Лесу, и их тела уже затягивало туманом. Рыжая девушка выжила. Она стояла на пригорке, тяжело дыша, с мечом в руке. Ее лицо было разбито в кровь, но глаза смотрели ясно. Она сделала шаг. Еще один.

Трансляция погасла.

— Все, — сказал маг. — На сегодня хватит. Кто не доплатил — гоните медяки.

Толпа начала расходиться. Молча. Каждый думал о своем. О детях, которые могли оказаться на их месте. О жеребьевке, которая в любой момент могла выдернуть из низшего квартала очередного мальчишку или девчонку.

Ритуал забрал восьмерых. И это был только первый тур.

Глава 1

Дом с серебряной дверью

Я проснулась от тишины. Не от криков, не от стука, не от лая соседских собак. От тишины, которая звенела в ушах, как натянутая струна.

Лежала, не открывая глаз, и пыталась понять, что не так. В доме Одэнов всегда было шумно. Мать с самого утра распекала прислугу, отец гремел посудой, читая газету, Рензэл — когда он еще жил дома, а не в Академии — с грохотом сбегал по лестнице, на ходу застегивая рубашку. Даже в самые спокойные дни здесь что-то скрипело, шуршало, звенело. Сейчас же было тихо. Так тихо, что слышно, как за окном, в саду, шуршит листва. Середина весны всегда была особенным временем для этого дома.

Села на кровати, щурясь от бликов массивного зеркала. Светало. Серый, безнадежный рассвет сочился сквозь занавески, заливая комнату холодом. Откинула одеяло, напарила ногами тапочки и встала. Тело было ватным, голова — чугунной. Вчера я легла поздно: дописывала очередную статью для подпольной газеты “Листок”. Место где пытались публиковаться такие недожурналисты как она, в надежде быть услышанными. Перед глазамиплыли строки, которые она выводила при свете огарка: *«...и снова жеребьевка. И снова семьи из нижних кварталов молятся, чтобы их дети оказались в списке. Сколь бессмысленно и...»*

Потерла виски. Надо было умыться, спуститься вниз и сделать вид, что все в порядке, будто она не прячет под половицей семь исписанных листов статей для нелегальной новостной конторы.

По быстрому накинула халат и вышла в коридор.

Дом встретил ее все той же тишиной. Только теперь стало заметно: тишина была не пустой. Она была натянутой, как тетива. В ней слышалось что-то. Какое-то эхо, которое не должно было здесь звучать.

Я замерла на верхней площадке лестницы.

Внизу, в прихожей, горел одинокий светильник. Его свет падал на две фигуры. Отец стоял спиной к лестнице. Плечи напряжены, голова опущена. Рядом — мать, в ночном капоте, с распущенными волосами. Ее рука сжимала плечо отца так, словно он мог рассыпаться, если отпустить. Перед ними — юноша в серой ливрее почтовой службы. Мальчишка лет шестнадцати, бледный, с зажатой в руке папкой. Он переминался с ноги на ногу и явно не знал, куда деть глаза.

— Мы все понимаем, — тихо говорил отец. Голос его был глухим, чужим. — Благодарим вас. Вы свободны.

Мальчишка дернулся, сунул папку отцу и попятился к двери. На пороге он обернулся, открыл рот, будто хотел что-то сказать, но наткнулся на взгляд матери и исчез. Щелкнул замок. И тогда мать задышала. Громко, рвано, с хрипом. Она прижала ладонь ко рту, но это не помогло.

— Тише, — прошептал отец. — Ради всего святого, тише. Кайла может слышать.

— Кайла все равно узнает, — голос матери дрожал, но в нем была сталь. — Это нельзя скрыть, Элиот. Это... это моя девочка. Моя Мейса.

Я прижалась спиной к стене. Сердце пропустило удар. Мейса. Что с Мейсой?

— Прошла, — произнес отец. В его голосе не было ни скорби, ни облегчения. Просто констатация факта. — Она погибла на третьем туре. Значит, статус серебра закреплен за родом. На двадцать лет.

Мать вскинула голову. Ее глаза, опухшие, красные, сверкнули.

— Ты сейчас серьезно? — прошипела она. — Ты говоришь о статусе? Наша дочь мертва, Элиот!

— Я говорю о том, что будет с остальными нашими детьми. Мейса знала, на что шла. Она сделала свой выбор и защитила наш род, подарила брату с сестрой и нам будущее. Теперь наш долг — правильно воспользоваться этим даром. Давай не будем заводить эту шарманку вновь любовь моя, мы давно были готовы и наш род, как и многие живут сходным образом уже которое поколение. Быть может ты уже забыла своего покойного Брата что..

— Хватит!! — мать поднялась с пола, покачиваясь. — Я хочу закончить разговор! Ты всегда принимал за истину и благо эту...эту...!

— Поднимайся наверх дорогая, я обо всем позабочусь. — Отец ласково улыбнулся и мягко уговорил мать парой дежурных фраз подняться к себе

Я не стала слушать дальше, просто развернулась и медленно, так же бесшумно, поднялась обратно. Зашла в комнату. Плотно закрыла дверь.

Мейса мертва.

Я стояла посреди комнаты и не могла пошевелиться. Слова матери звучали в голове, как приговор. Третий тур. Мейса погибла на третьем туре. Это значит — она была уже не просто участницей. Она была одной из тех, кто прошел первый круг, второй, и дошла до третьего. Это значит — она была сильной. Это значит — она была почти на пол пути к тому чтобы выжить.

Сглотнула. В горле встал ком, твердый, как камень.

Мейса.

Она всегда была старшей. Когда Рензел ломал ценные вещи в доме, бил вазы и посуду или влезал в потасовки с другими мальчишками на приемах — она была прикрывала и она защищала. Когда я ночью плакала из-за кошмаров, Мейса садилась рядом и рассказывала истории и сказки и про то, как однажды возьмет ее с собой в Академию. Она смеялась, когда я злилась. Она обнимала, когда становилось совсем невыносимо.

Тихо подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. За окном занимался серый, безнадежный рассвет. Сад тонул в утреннем тумане. На ветке старого ясеня сидела ворона и чистила перья.

Я не плакала. Слезы не приходили. Внутри было только пустое, гулкое эхо — как в заброшенном доме. И где-то на самом дне, под этой пустотой, начинало подниматься что-то другое. Не скорбь. Не страх. Гнев.

Он рос, как пламя, разгорающееся в сыром лесу. Сначала слабо, неуверенно, но с каждым ударом сердца — все жарче, все злее. Я поняла, что готова сделать все, чтобы об этом узнали. Напишу самую скандальную и громкую статью, добьюсь от правительства изменения метода отбора магов. В голове роилось куча мыслей где во главе всех маячило “я устрою бунт!”

Я не была наивной и прекрасно понимала: одной статьей, одной брошюрой, одной расклеенной листовкой ничего не изменить, но мои навыки писательства, мои читатели. Пусть немного. Пусть они приходили тайком, через задние двери лавок, через почтальонов, которые за пару монет вкладывали ее листки в газеты. Но они были. А что лучше всех разносит сплетни? Правильно — люди!

Села за стол, выдвинула ящик. Под кипой черновиков — стопка чистой бумаги, перо, чернильница. Откинула со лба растрепанные пряди, обмакнула перо и вывела на первом листе:

«Черновик моей будущей жизни...»

Пусть моих знаний не много: слухи, обрывки разговоров, то, что удавалось подслушать на рынке, в порту, в задних комнатах трактиров. Пусть из этого пока что складывалась очень

дырявая картина, которую мне еще придется дополнить, но а пока...пока мне было необходимо подать документы в Академию и пройти вступительные в тайне от родителей, которые год как пытались сосватать дочь.

Когда перо наконец остановилось, за окном уже стоял день. Серый, пасмурный, без солнца. Умылась ледяной водой, переоделась и спустилась вниз.

Мать сидела в гостиной, прямая, как струна, с сухими глазами. Отец стоял у камина, глядя на остывшие угли. Никто не заговорил. Я прошмыгнула к двери.

— Ты куда? — спросила мать.

— Прогуляться.

— Кайла!...Сегодня к нам должен приехать Венс, та что будь так добра...

— Прости, очень спешу но обещаю вернуться к трем! — выкрикнула на бегу перед тем как окончательно выскочить за дверь.

На улице все еще был колкий весенний воздух.

Рынок гудел. Он всегда гудел, даже в дни траура. Торговцы выкрикивали цены, кухарки спорили из-за медяков, где-то визжала свинья. Кайла лавировала в толпе, не глядя по сторонам.

У лотка со специями стоял мальчишка лет двенадцати. Грязный, взъерошенный, с цепким взглядом. Он заметил меня и кивнул. Подошла, сделав вид, что разглядывает связки сушеного перца и заговорила:

— Есть работа, — тихо сказала она, не глядя на него.

— Сколько?

— Как всегда. Плюс серебряный, если сделаешь быстро.

Мальчишка шмыгнул носом и кивнул. Как можно быстрее вытащила из рукава сверток, сунула ему в ладонь. Он исчез мгновенно, как будто и не было.

— Расклей у восточных ворот, у пекарен и возле гильдейского дома. Чтобы к вечеру все видели.

— Сделаем.

Купив парочку связок перца, что отдам после на кухню, зашагала в сторону центральной улицы. Надо было отдать еще пару статей и листовок паре связующих мальчишек и придумать как добраться до Академии чтобы подать документы. Путь не близкий, так как род Одэн живет на окраине столицы и чтобы добраться до центра, придется пару часов трястись в повозке.

Я шла быстро, не оглядываясь. Рынок продолжал гудеть за спиной, но звуки становились тише, глуше, как будто их заворачивали в вату.

Я свернула на улочку, ведущую к каретному двору. Здесь было тише: двухэтажные дома с облезшими фасадами, мокрые булыжники под ногами, запах угля и сырого белья. Где-то наверху хлопнуло окно, и женский голос что-то крикнул про невынесенный мусор. Я улыбнулась. Вот он, настоящий город. Не тот, что показывают в газетах для элиты, а тот, что живет, несмотря ни на что.

До каретного двора оставалось не больше сотни шагов, когда над крышами протяжно прогудел городской колокол.

Десять часов.

Я выругалась себе под нос и прибавила шаг. Если не успею на ближайшую повозку, следующую придется ждать почти час, а тогда вернуться домой к трём будет невозможно. Мать непременно решит, что я специально сбежала от встречи с Венсом. Впрочем, она будет права. Просто сегодня у меня имелась причина получше, чем нежелание провести вечер напротив человека, который во время последнего визита двадцать минут рассказывал о собственных успехах в верховой езде и ни разу не заметил, что я перестала его слушать.

Каретный двор прятался за длинным кирпичным зданием бывшей красильни. Во внутреннем дворе толкались наёмные экипажи, почтовые фургоны и крытые повозки, доставлявшие рабочих в центральные кварталы. Лошади били копытами по мокрому камню. Возницы

перекрикивались, ругались из-за места у ворот и предлагали довести «быстро, удобно и почти даром».

Последнее всегда означало, что кошелек следовало держать обеими руками.

— До Старой башни! — крикнул седой возница, стоявший на облучке потёртой зелёной повозки. — Через площадь Гильдий и центральную улицу! Отправляемся сейчас!

Я запрыгнула внутрь прежде, чем он успел назвать цену.

На лавках уже сидели пятеро: пожилая женщина с корзиной яиц, двое рабочих в одинаковых серых куртках, сонный студент и толстяк, прижимавший к животу кожаный портфель. Последний недовольно подвинулся, когда я устроилась рядом.

Повозка дёрнулась так резко, что женщина охнула и накрыла корзину собой. Колёса загрохотали по булыжнику.

Я сунула руки в карманы плаща и нащупала оставшиеся листки. Бумага была тёплой от тела. Семьдесят экземпляров заметки о жеребьёвке, которую я закончила три дня назад. Семьдесят одинаковых обвинений, напечатанных на дешёвой серой бумаге мелким шрифтом, чтобы уместить как можно больше текста.

Ещё вчера она казалась мне злой.

Сегодня — осторожной до трусости.

Я писала о детях из нижних кварталов, которых вытаскивали из семей случайным жребием. О родителях, благодаривших Совет за «великую возможность». О погибших, чьи имена исчезали из газет уже через неделю. Но я ни разу не написала о том, что происходило с участниками внутри Ритуала. Не потому, что не хотела.

Потому что не знала.

До низших доходили слухи. Средние предпочитали молчать. Высшие пересказывали этапы как забавные истории после ужина, споря, чей воспитанник продержался дольше. Ни одного протокола. Ни одного списка погибших с указанием настоящей причины смерти. Ни одного свидетельства, которое можно было бы предъявить Совету и потребовать ответа.

Теперь среди этих имён была Мейса.

Я отвернулась к окну.

За мутным стеклом проплывали кварталы. Низкие дома сменялись каменными особняками, грязные переулки — широкими мостовыми. На перекрёстках становилось больше городской стражи. Исчезали босые дети и женщины с корзинами белья. Появлялись вывески ювелиров, книжные лавки, кондитерские с разноцветными витринами.

Город менял лицо так быстро, будто стыдился собственных окраин.

У площади Гильдий я выскочила из повозки, сунула вознице монету и, не дожидаясь сдачи, нырнула в узкий проход между аптекой и мастерской часовщика.

В конце прохода находилась неприметная дверь без вывески. Когда-то она была синей, но краска облупилась так сильно, что цвет сохранился только вокруг замочной скважины. Я постучала три раза, выдержала паузу и ударила ещё дважды.

Засов с другой стороны не отодвинули.

— Уценённые чернила, — сказала я, приблизившись к двери. — Две бутылки по цене одной.

— Нам не нужны чернила, — ответил мужской голос.

— Тогда пишите кровью.

Щёлкнул замок.

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щели показался один карий глаз.

— Когда-нибудь тебя зарежут за этот пароль.

— Тогда у тебя появится материал на первую полосу.

— Если найдут тело.

Дверь открылась шире.

Тарен выглядел так, будто не спал с момента нашего последнего разговора. Светлые волосы торчали в разные стороны, на щеке отпечаталась перевёрнутая буква, а рукава рубашки были закатаны до локтей и покрыты чернилами. Он был старше меня лет на десять и утверждал, что когда-то работал в «Столичном вестнике». Я ему не верила. Люди из «Вестника» носили дорогие жилеты, ели устриц и никогда не открывали двери самостоятельно.

Я проскользнула внутрь. Тарен выглянул в переулок и запер засов.

Подпольная редакция «Листка» занимала подвал бывшей переплётной мастерской. У стены тяжело дышал печатный станок. Двое наборщиков раскладывали литеры, девушка с коротко стриженными волосами сушила листы на натянутых верёвках. Пахло горячим металлом, сырой бумагой и уксусом, которым здесь пытались перебить запах краски.

Безуспешно.

— Принесла продолжение? — спросил Тарен.

Я вытащила из кармана сложенные листы и протянула ему.

— Последнюю часть. Про семьи, которые после жеребьёвки получают выплаты от Совета.

Он развернул рукопись, пробежал глазами первую страницу, перевернул вторую.

— Опять без имён.

— Люди боятся.

— Люди всегда боятся. Читатель не обязан верить безымянному человеку, который слышал от своего соседа, будто двоюродная сестра его прачки получила три серебряных после исчезновения сына.

— Он не исчез. Его забрали.

— Документ есть?

Я промолчала.

Тарен сложил листы и постучал ими по ладони.

— Кайла, ты хорошо пишешь. Иногда даже слишком хорошо. После твоих статей хочется выйти на площадь и разбить кому-нибудь лицо.

— Значит, они работают.

— Нет. Значит, ты умеешь злить. Это не одно и то же, что доказывать.

— А ты предлагаешь молчать, пока у меня не появится заверенная Советом справка о том, что Совет убивает людей?

Наборщики перестали переговариваться. Девушка у верёвок покосилась в нашу сторону.

Тарен взял меня за локоть и отвёл к дальнему столу.

— Я предлагаю не вести стражу прямо сюда, — сказал он тихо. — За один эмоциональный памфлет тебя назовут дурой. За обвинение, которое нельзя опровергнуть, повесят меня, наборщиков и мальчишку, разносящего твои листовки.

Я дёрнула руку, освобождаясь.

— Сегодня я узнала что погибла моя сестра.

Он замер.

Шум станка вдруг стал оглушительным.

— Мейса? — спросил Тарен.

Я кивнула. Сказать вслух не получилось.

Его лицо изменилось. Исчезло раздражение, исчезла привычная насмешка. Он медленно положил мою рукопись на стол.

— Мне жаль.

— Она погибла на третьем туре.

— Откуда ты знаешь?

— Утром принесли извещение. Родители думают, что я не слышала.

Тарен опустил взгляд. На мгновение мне показалось, что он знает больше, чем говорит. Но выражение исчезло так быстро, что я не успела за него ухватиться.

— Что известно об этапе? — спросила я.

— Ничего, что можно напечатать.

— А что известно без печати?

— Кайла.

— Ты ведь получаешь сведения из Академии. Откуда-то берутся списки, ставки, записи трансляций для подпольных трактиров. Кто-то видел, что произошло.

— Запись третьего этапа ещё не вышла за стены.

— Значит, выйдет.

— Возможно.

— Найди её.

Тарен посмотрел на меня долго и тяжело.

— Нет.

Я даже не сразу поняла ответ.

— Что?

— Я не стану отправлять человека внутрь ради записи, которая может не существовать.

— Но ты только что говорил о доказательствах.

— Доказательство не стоит четырёх трупов.

— А смерть Мейсы, по-твоему, сколько стоит?

Он отшатнулся, словно я ударила его. Стыд пришёл сразу, острый и мерзкий, но забрать слова назад я не смогла.

Тарен провёл ладонью по лицу.

— Именно поэтому ты сегодня ничего не напишешь.

— Не тебе решать.

— Пока текст печатается на моём станке — мне. И сегодня ты не журналист. Ты сестра, которая хочет прокричать на всю столицу первое обвинение, пришедшее ей в голову.

— Я знаю, что Ритуал убил её.

— Это знают все. И половина республики считает, что так ей и полагалось умереть, потому что она сама согласилась участвовать. Что ты ответишь?

Я открыла рот.

Ни одного слова не нашлось.

Он был прав, и за это я ненавидела его особенно сильно.

— Я отвечу правдой.

— Тогда сначала добудь её.

Тарен подвинул ко мне рукопись.

— Нам нужны протоколы этапов. Состав наставников. Имена врачей. Свидетели. Нам нужно знать, почему сильная Охотница не увидела собственную смерть. И была ли у неё вообще возможность её увидеть.

Последняя фраза заставила меня забыть о злости.

— Что ты имеешь в виду?

— Только то, что сказал.

— Нет. Ты что-то слышал.

— Я слышал сотни историй. Девяносто девять из ста сочинены пьяницами, должниками или людьми, желающими поднять цену на ставках.

— А сотая?

Тарен посмотрел в сторону станка.

— Иногда участник погибает не потому, что оказался слабее испытания.

По спине прошёл холод.

— Продолжай.

— Мне нечего продолжать. Пока нечего.

— Кто тебе это сказал?

— Уходи, Кайла.

— Тарен...

— Ты обещала вернуться домой как обычно трём, разве нет?

Я машинально взглянула на часы над дверью и выругалась.

Без четверти два.

— Возьми рукопись, — сказал он. — Мы напечатаем её в следующем выпуске. Но про Мейсу не пиши, пока не принесёшь мне что-нибудь, кроме горя и ярости.

Я забрала листы со стола, хотя ещё минуту назад собиралась оставить их ему. Потом снова положила.

— Печатай.

— Кайла.

— Это не про Мейсу. Это про жеребёвку. Текст был закончен до сегодняшнего утра.

Тарен молча кивнул.

У двери я остановилась.

— Если сведения не выходят из Академии, я войду сама.

Он тихо выругался.

— У тебя нет разрешения семьи.

— Значит, поступлю без него.

— Так не бывает.

— До сегодняшнего дня я тоже думала, что сильные Охотники видят приближение смерти.

Я вышла прежде, чем он успел ответить.

Обратная дорога превратилась в череду толчков, лошадиного храпа и отчаянных попыток заставить время замедлиться. Повозка застряла у западных ворот. Стражники проверяли документы у торговцев, вытаскивали мешки, протыкали тюки длинными металлическими шупами. Какой-то купец кричал, что его товар испортят. Возница кричал громче.

Я выбралась наружу и побежала.

К дому Одэнов добралась без пяти минут три. Лёгкие горели, волосы выбились из причёски и липли к лицу, один башмак был заляпан грязью до щиколотки. У ворот стоял незнакомый экипаж, настолько начищенный, что в чёрной дверце отражались голые ветви ясеней.

Венс уже приехал.

Я расправила плащ, провела ладонями по волосам и попыталась отдышаться. Получилось плохо.

Серебряная дверь дома была распахнута.

Раньше она была тёмной, почти чёрной, с простой медной ручкой. Теперь на уровне глаз сияла новая пластина с гербом Одэнов. Серебряная. Её успели установить за несколько часов.

Я остановилась перед ней.

Письмо о смерти пришло утром.

К полудню мастер уже прикрутил к нашей двери награду.

Пальцы сами сжались в кулак.

В прихожей меня ждала мать.

Она переоделась в строгое чёрное платье, волосы были собраны, лицо припудрено так тщательно, что почти не казалось опухшим. Только руки выдавали её: пальцы дрожали, когда она поправляла кружево на манжете.

— Ты опоздала на четыре минуты, — сказала она.

— Прости.

Мать посмотрела на мои грязные башмаки, растрёпанные волосы, раскрасневшееся лицо. В любой другой день последовал бы длинный выговор. Сегодня она лишь закрыла глаза.

— Иди в малую гостиную. Отец хочет поговорить с тобой до того, как ты увидишься с Венсом.

Я сняла плащ и повесила его на крючок.

— Он уже там?

— В большой гостиной. Пьёт чай.

Конечно. Что ещё делать человеку в доме, где утром умерла дочь хозяев?

Мать повернулась, собираясь уйти.

— Мама.

Она остановилась.

Мне хотелось подойти, обнять её, сказать, что я всё слышала. Но между нами уже стояла серебряная пластина на двери. Двадцать лет привилегий, оплаченных телом Мейсы. И ещё ложь, которой родители собирались накрыть меня, как тяжёлым одеялом.

— Почему дверь открыта? — спросила я.

Мать посмотрела на меня так, будто я задала вопрос на незнакомом языке.

— Теперь её нельзя держать закрытой до заката. Так положено в первый день присвоения статуса.

— Какого статуса?

Её губы задрожали.

— Отец объяснит.

В малой гостиной пахло холодным кофе и дымом. Отец стоял возле окна, заложив руки за спину. На столе лежала знакомая серая папка. Рядом — раскрытая шкатулка с серебряной печатью рода.

Он обернулся, когда я вошла.

— Сядь, Кайла.

Я села.

Отец остался стоять. Он всегда предпочитал говорить сверху вниз, даже когда сообщал что-нибудь незначительное. Сегодня это казалось особенно отвратительным.

— Утром мы получили извещение из Академии, — начал он.

Я смотрела на папку.

— Мейса погибла во время третьего тура Ритуала.

Он произнёс это ровно. Почти теми же словами, что утром. Наверное, репетировал.

Я заставила себя поднять глаза.

— Как?

Отец помедлил.

— В извещении не указаны подробности.

— Тогда что там указано?

— Подтверждение смерти. Номер этапа. Время завершения участия.

Завершения участия.

Не гибели. Не последнего вдоха. Не мгновения, когда её тело упало на землю.

Время завершения участия.

— Я могу прочитать?

Рука отца легла на папку.

— В этом нет необходимости.

— Для кого?

— Кайла.

— Я её сестра.

— Именно поэтому я не хочу, чтобы ты запоминала Мейсу по сухому протоколу.

— А по чему мне её запоминать? По новой двери?

Тишина стала такой плотной, что в ней можно было задохнуться.

Отец медленно выпрямился.

— Следи за словами.

— Мейса умерла неизвестно сколько времени назад, письмо доставили только сегодня утром, а у нас уже висит серебряный герб.

— Его устанавливает городская служба. Это закон.

— Как удобно.

— Довольно.

Я посмотрела на шкатулку.

— Что теперь получит наш род?

— Сейчас не время это обсуждать.

— Утром было время.

Он побледнел.

Всего на мгновение, но мне хватило.

— Ты подслушивала.

Я не ответила.

Отец обошёл стол и остановился напротив.

— Тогда ты должна была услышать всё. Мейса добровольно участвовала в отборе. Она понимала последствия. Благодаря ей твой брат сможет закончить обучение, а ты получишь достойное будущее.

— Достойное — это какое?

— Безопасное.

— То есть подальше от Академии.

— Именно.

Я рассмеялась. Коротко, без веселья.

— По крайней мере, честно.

— Мы уже потеряли одного ребёнка.

— А серебро получили на троих.

Пощёчина оказалась бы понятнее.

Отец не ударил. Он отступил, будто между нами внезапно появилась пропасть.

— Ты сейчас не понимаешь, что говоришь.

— Я прекрасно понимаю. Мейса умерла, и теперь все должны сделать вид, что это была выгодная сделка.

— Она защитила род!

— Кто защитил её?

Голос сорвался.

Вот теперь пришли слёзы. Не красивые, не тихие. Они обожгли глаза, поползли по щекам, и я ненавидела себя за них, потому что отец сразу смягчился.

Он потянулся ко мне.

Я вскочила.

— Не надо.

— Кайла...

— Я хочу увидеть её вещи.

— Их пришлют после завершения Ритуала.

— Тело?

Отец отвёл взгляд.

Ответа не требовалось.

Участников не возвращали до конца этапов. Иногда не возвращали совсем.

Я вытерла лицо ладонью.

— Рензел знает?

— Академия уведомила его отдельно. Мы получили от него короткое письмо. Он останется на занятиях.

— В день смерти сестры?

— Он на боевом факультете. Там не освобождают от обязательств из-за семейных обстоятельств.

Конечно. Смерть была семейным обстоятельством только для тех, кто ещё не надел форму Академии.

Из большой гостиной донёлся мужской смех.

Венс.

Он смеялся в доме Мейсы.

Отец прикрыл глаза.

— Мы хотели отменить встречу, но его семья уже отправила экипаж. Кроме того, сейчас нам особенно важно показать, что род Одэн сохраняет устойчивость.

— Устойчивость?

— Не начинай.

— Наша дочь умерла, зато младшая вовремя встретила с женихом. Образцовая семья.

— Ты спустишься к нему, — отчеканил отец. — Проведёшь в гостиной один час. Не станешь устраивать сцен. После этого можешь вернуться в комнату и оплакивать сестру любым способом, который не позорит её память.

Я посмотрела на него.

Впервые мне стало интересно, действительно ли он верит в собственные слова. Или повторяет их так долго, что уже не помнит разницы.

— Хорошо, — сказала я.

Отец нахмурился. Моё согласие напугало его сильнее крика.

— Хорошо?

— Я встречаюсь с Венсом.

Поправила юбку, убрала мокрые пряди с лица и направилась к двери.

— Приведи себя в порядок, — бросил отец вслед.

Я не обернулась.

Венс стоял у книжного шкафа в большой гостиной и рассматривал корешки так внимательно, словно умел читать. Высокий, темноволосый, в тёмно-синем сюртуке с серебряной вышивкой на воротнике. Услышав шаги, он повернулся и расплылся в улыбке.

— Кайла! Наконец-то. Я уже начал думать, что ты снова решила сбежать.

— Что ты. Я бы никогда.

Он не уловил насмешки.

Мать сидела на диване, сжав ладони на коленях. На столике дымился чай. Рядом стояла нетронутая тарелка с пирожными, которые утром готовили к приезду гостя, ещё не зная, что дом станет траурным.

Венс подошёл и взял меня за руку.

— Прими мои соболезнования. Ужасная потеря.

Слова были правильными. Интонация — тоже. Он даже выдержал положенную паузу.

А затем добавил:

— Но твоя сестра оказала роду великую честь.

Я высвободила пальцы.

Мать вздрогнула.

— Венс, — произнесла она устало, — возможно, сегодня не стоит говорить о статусе.

— Разумеется. Простите. Я лишь хотел сказать, что Мейса погибла не напрасно.

Я посмотрела ему в лицо.

Он был искренен.

От этого стало хуже.

— Ты ведь учишься в Академии, — сказала я.

— Третий курс.

Он просиял, решив, что разговор наконец перешёл к достойной теме.

— На факультете Заклятий. Я рассказывал тебе о зимнем состязании? Наш поток занял первое место среди...

Я почти перестала его слышать.

Академия.

Не слухи. Не карты. Не попытка проскользнуть через ворота среди служащих. Настоящий студент, которому разрешено приводить гостей на территорию факультета в установленные дни.

Венс продолжал говорить. О преподавателях, о новом тренировочном корпусе, о библиотеке, в которую допускали только старшие курсы. Каждое его слово становилось ступенью.

Он сам пришёл в наш дом.

Сам протянул мне ключ.

Нужно было лишь сделать так, чтобы он не понял, какую дверь я собираюсь открыть.

Я села напротив и впервые за всё время нашего знакомства улыбнулась ему без усилия.

— Нет, Венс, — сказала я. — О зимнем состязании ты мне не рассказывал.

Он придвинул кресло ближе.

— Тогда тебе будет интересно.

— Уверена. Но гораздо интереснее было бы увидеть всё своими глазами.

Венс замолчал.

Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на волосах, на вырезе платья, а затем вернулся к глазам.

— Ты хочешь посетить Академию?

Я наклонилась к нему, будто собиралась доверить тайну.

— Я хочу, чтобы ты показал мне свой факультет.

На его губах появилась медленная самодовольная улыбка.

За спиной Венса, над камином, висел портрет Мейсы. Рыжие волосы были заплетены в косу, тёмно-зелёные глаза смотрели прямо перед собой.

Не на меня.

Куда-то дальше.

Я выдержала взгляд сестры и положила ладонь поверх руки своего жениха.

Впервые за этот день я точно знала, что буду делать завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.